

УДК 316.723 – 053.81

© *А. А. Саринков, 2009*

РОССИЙСКИЕ СКИНХЕДЫ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Саринков А. А. – ведущий специалист отдела трудоустройства и спецпрограмм управления государственной службы занятости населения правительства Хабаровского края, тел.: (4212) 73-87-52 (ТОГУ)

На сегодняшний день движение скинхедов можно охарактеризовать как наиболее яркое проявление молодежного политического радикализма. Появление скинхедов в таком многонациональном государстве, как Россия, обусловлено в большей степени социальными изменениями, поставившими перед молодежью проблему интеграции в сложившуюся систему общественных отношений.

Nowadays the skinheads' movement can be characterized as the brightest manifestation of youth political radicalism. The appearance of skinheads in such a multi-national state as Russia is determined mostly by social changes that have raised a problem of youth integration in the existing system of social relations.

Ключевые слова: молодежь, молодежное движение, скинхеды, радикализм, социальный статус, социальная группа.

В контексте рассмотрения радикального оппозиционного молодежного движения наиболее интересным представляется заострить внимание на движении наци-скинхедов. Необходимость этого определяется двумя моментами.

Во-первых, специфика этого явления состоит в том, что скинхеды выступают наиболее наглядным и ярким примером выражения молодежного протеста против социально-политической системы, поскольку представляют собой сугубо молодежное течение радикализма. Они в своей массе не являются членами каких-либо политических организаций, а если и состоят в таковых, то в качестве относительно самостоятельного молодежного крыла со своими собственными лидерами. Именно поэтому на примере скинхедов наиболее целесообразно делать определенные выводы относительно природы и специфики молодежного радикализма.

Во-вторых, скин-движение – явление относительно новое для России, однако уже успевшее заявить о себе как о достаточно серьезной силе и

имеющее объективные тенденции к распространению не только в Москве, Санкт-Петербурге и других мегаполисах, но и в более мелких городах нашей страны.

Первые скинхеды появились в Англии в 1968–1969 гг. Однако с сегодняшним образом скинхеда – сторонника расовой и этнической ненависти – они не имели ничего общего. Скинхеды первой волны были субкультурой рабочих районов Британии, которая возникла на основе молодежного классового протеста против буржуазной культуры и против контркультуры 60-х гг. В большинстве своем представители существовавших на тот момент в Англии молодежных движений (хиппи, теды, моды, байкеры) являлись выходцами из так называемого high middle class, ведущими вне рамок данной субкультуры вполне благополучное существование. Скинхеды презирали их как «предателей своего класса». И случавшиеся драки носили скорее оттенок классовой ненависти, но ни в коем случае не являлись выражением расового или этнического превосходства.

Скинхеды второй волны появились в Англии в конце 70-х гг. Это был продукт разложения движения панков, с одной стороны, и экономического кризиса – с другой. Молодежь из бедных семей стала вытеснять с музыкальной сцены детей среднего класса. Одновременно экономику страны постиг жесткий кризис, повлекший за собой падение правительства лейбористов и приход к власти Маргарет Тэтчер. Пытаясь оздоровить экономику, правительство консерваторов массово закрывало предприятия (пыталось ликвидировать целые отрасли – например, угледобычу), урезало или отменяло социальные пособия. Безработица выросла до невиданных размеров.

В первой половине 80-х скинхеды в современном понимании этого термина появились в Скандинавии, Голландии, США, Австрии, ФРГ, Канаде, Австралии. В середине 80-х – во Франции, Бельгии, Дании и Швейцарии. Однако если британские или американские группировки были более известны избиениями чернокожих, то немецкие скинхеды сразу же прославились убийствами. Очень быстро германское скин-сообщество превратилось в самое политически грамотное неофашистское движение в мире.

В России скинхеды появились в начале 90-х. До 1994 года их в Москве было около десятка. Они были чистым продуктом подросткового максимализма и подражания западным образцам, чья деятельность активно освещалась советскими СМИ перестроечного и постперестроечного периода [1]. Однако из трех существующих на Западе направлений движения – наци-скинхедов, ред-скинз и тредов – российские СМИ пропагандировали только первых.

Начался бурный рост и активизация движения. Уже к 1998 г. в Москве по разным оценкам было от 700 до 2000 скинхедов, в Санкт-Петербурге – от 700 до 1500, в Нижнем Новгороде – до 1000, в Воронеже, Самаре, Саратове, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ярославле, Красноярске, Иркутске, Омске,

Томске, Владивостоке, Рязани, Пскове – от одной до нескольких сотен представителей движения. К 1999 г. в Москве было от 3500 до 3800 бритоголовых, в Петербурге – до 2700, в Нижнем Новгороде – свыше 2000, в Ростове-на-Дону – свыше 1500, в Ярославле, Пскове и Калининграде их численность превысила 1000 человек [1]. Однако по сравнению с предыдущими годами сегодняшние акции националистов становятся не единичными случаями, а систематической деятельностью, приобретающей все более организованный и публичный характер.

Нападения скинхедов с каждым годом становятся все более частыми и жестокими. В 2005 году убитых было всего на двух человек меньше, чем в 2004 (47 и 49 соответственно). В 2006 и 2007 годах, по данным «Информационно-аналитического центра «СОВА», численность нападений, закончившихся для их жертв летальным исходом, выросла сразу до 61 и 68 человек соответственно. Статистические данные в отношении избитых и раненых свидетельствует о том, что их число с 2004 года только росло: в 2004 г. засвидетельствовано 218 случаев нападений скинхедов, в 2005 г. – 418, в 2006 г. – 502 и в 2007 г. – 566 [3]. Причем, если раньше можно было говорить о неких относительно изолированных «группах риска» – например, о темнокожих или уроженцах Центральной Азии, то теперь выделить «приоритетные» для скинхедов группы становится все труднее.

Каковы же причины появления в России, которая всегда являлась многонациональным государством, неонацистского движения и, в частности, скинхедов?

Параллельно с развалом экономики в начале 90-х гг. начался процесс развала системы образования и воспитания. С начала до середины 90-х гг. по финансовым причинам в стране ежегодно закрывалось по 400–450 школ. К 1999 г. ситуация заметно ухудшилась. Официальных данных о том, сколько детей не посещали школу, нет. Однако, по данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД России, каждый третий правонарушитель школьного возраста весной 1999 г. не имел даже начального образования.

Но куда более серьезным фактором явилось то, что под предлогом борьбы с тоталитаризмом фактически исчезло школьное и внешкольное воспитание, само понятие которого связывалось с пионерской организацией и комсомолом. Между тем, именно на них, помимо идеологического формирования личности, лежали обязанности по эстетическому воспитанию, спортивно-массовой работе, организации кружков, секций и т.п. Практически вся эта система в годы демократических преобразований была уничтожена. Результатом явилась психологическая катастрофа: за годы реформ в России выросло новое поколение – асоциальное и аномичное. Для него характерен полный разрыв с традициями, общественными ценностями и социальными установками [1]. С другой стороны, на фоне резкого обогащения одной, весьма малочисленной, части общества произошло стремительное обеднение другой, более значительной, его части.

По утверждению П. А. Сорокина, в мире нет обществ, в которых бы не существовало естественное расслоение. За исключением, пожалуй, отдельных случаев, когда представители того или иного племени живут изолированно, когда нет еще постоянного общественного образа жизни и социального взаимодействия, когда поэтому отсутствует какая-либо социальная организация в истинном смысле этого понятия, как только появляются зачатки такой организации, то мгновенно в примитивных социальных группах зарождаются черты расслоения [5].

Поскольку социалистическое общество было в известной степени обществом закрытым и изолированным от мировых процессов, вполне естественно, что социальное расслоение в нем было достаточно незначительным. Большинство населения существовало в примерно одинаковых условиях, с едва различимой разницей в уровне доходов, в доступе к экономическим и культурным ценностям. Как только в конце 80-х гг. у политических лидеров СССР появились претензии на включение в мировое сообщество, участие в международной политике, международное экономическое сотрудничество и на переход к рыночным отношениям (что, естественным образом, потребовало снятие «железного занавеса»), социальная дифференциация советского, а впоследствии российского общества стала увеличиваться. Очевидно, что выросло и число тех, кого Сорокин называет «отверженными и живущими «вне закона» [5].

Связи между группами в социальном пространстве оказались блокированы. Как следствие в условиях перехода к рынку оказались блокированы и пути вертикальной социальной мобильности – продвижения из низших и средних слоев в более высокие классы общества. В результате смены советской общественно-политической системы в конце 80-х – начале 90-х гг. и последовавшего предела собственности старшее поколение закрепило за собой высшие уровни социальной структуры, закрыв таким образом возможности повышения позиций для представителей сегодняшней молодежи. Все верхние ячейки оказались «забронированы» за представителями предшествующих поколений, т. е. либо за теми, чья молодость пришлась на период экономического беспредела, либо за теми, кто и до этого входил в социальную или политическую элиту. Таким образом, результатом стало не просто естественное резкое экономическое расслоение общества, но и крайне неравномерное распределение между ними прав и привилегий, ответственности и обязанности, социальных ценностей, власти и влияния.

По возрастному критерию самой социально уязвленной группой оказалась молодежь. В то время, когда старшее поколение либо успело обзавестись и сохранить за собой в новых условиях различные блага материального и нематериального характера, либо просто смирилось с их потерей, современная молодежь, т. е. те, кому на период начала активных реформ было от 10–15 лет, и последующие поколения оказались в ситуации, когда доступ к экономическим, социальным и культурным ценностям стал

ограниченным. Интересно заметить и то, что в этот период произошел глубочайший раскол внутри самой молодежи, определяемой во всех официальных документах как некая монолитная демографическая группа от 14 до 30 лет. Ведь четырнадцатилетние и двадцатидевятилетние оказались далеко не в равных условиях перед вступлением в новый порядок.

Реализация потребности молодого человека в повышении своего социального статуса натолкнулась на ряд непреодолимых препятствий. В условиях социальной неопределенности вероятность и риск обострения этих противоречий, возникновения и расширения социального конфликта стремительно повышается. Одновременно с обострением конфликтов в обществе риска заметно снижается вероятность его позитивного разрешения. Такое общество скорее столкнется с эскалацией конфликта, с переходом к открытой конфронтации [6].

Фактически молодежь сегодня находится вне процесса функционирования всех социальных институтов и, судя по тому, что это продолжается уже второе десятилетие, а официальные структуры демонстрируют свое полное бессилие и бездействие, без видимой перспективы в ближайшее время в него включиться. Государство, таким образом, может быть и помимо своей воли, показывает молодым, что они сегодня играют роль «лишних людей».

Стоит заметить (и это важно), что «лишней» в России стала не вся молодежь. Описываемая ситуация разворачивается, помимо прочего, на фоне назначения детей первых (и не только первых) лиц государства и крупных бизнесменов директорами общероссийских предприятий и организаций. Это еще более усугубляет раздражение их ровесников, недовольство социальным строем и политической элитой страны, что таит в себе наибольшую опасность, расширяет раскол между представителями одного поколения.

В силу возрастных особенностей психологии часть молодежи отнюдь не изъявляет желание принимать подобный порядок вещей. И, опять же в силу возраста, склонна более решительно отстаивать свое право на достойную жизнь. Эта часть сегодня вынужденно находится в состоянии войны как с обществом, так и с государственными структурами. У молодого человека, столкнувшегося с этой проблемой, возникают два варианта изменения ситуации и повышения своего статуса, оба касающиеся участия в деятельности политических организаций: войти в существующую систему путем пополнения рядов какой-либо из официальных действующих перспективных политических партий и двигаться «вверх» под её патронатом или же попытаться разрушить эту систему в составе неофициального экстремистски настроенного формирования.

Можно констатировать, что государственные структуры своим отношением к молодежи способствовали кристаллизации класса потенциальных и действительных экстремистов. Эскалация социального конфликта, происходящая сегодня в российском социуме, привела к тому, что нередко, предпринимая попытку найти выход из сложившейся ситуации,

молодые стали искать пути повышения своего статуса через осознанную девиацию, маргинализацию и противостояние сложившейся в социуме системе ценностей. Причем, маргинализация эта носит особый – политический – характер, когда, не видя иного способа изменить порядок вещей, молодой человек приходит к выводу, что это возможно лишь, встав на путь революционного преобразования и отождествления себя с определенной радикально-политической структурой, где весьма ценятся самостоятельность, активность и инициативность.

Параллельно с этим в середине 90-х гг. начинается другой процесс: формирование образа «буржуя», который достаточно четко накладывался на известную национальность. Кроме того, в Россию хлынул неуправляемый поток легальных и нелегальных мигрантов: азербайджанцев, китайцев, вьетнамцев, приезжающих на заработки и нередко, увидев прибыльность ведения бизнеса в России, обосновывающихся здесь насовсем. Весомый вклад внесли первая и вторая чеченские войны и последовавшие за ними террористические акты, которые, несмотря на заверения ряда либеральных политиков, имеют в сегодняшних условиях четко определенную национальность.

В начале 1994 г. скинхеды вдруг становятся, если не массовым, то многочисленным и заметным явлением. Внешне это было связано с событиями октября 1993 г. и следующим за ними милицейским террором, быстро принявшим расистский (формально – антикавказский) характер. Ельцин и его сторонники активно использовали расистскую и националистическую риторику в сентябре–октябре 1993 г. В частности, Р. Хасбулатову постоянно ставилось в вину его чеченское происхождение.

В период «особого положения» в Москве властями фактически была организована этническая чистка. Тысячи человек – преимущественно с неславянской внешностью – были арестованы, избиты, ограблены и депортированы из Москвы. На рынках ОМОНОм неоднократно проводились форменные погромы, в ходе которых у кавказцев отбирали деньги и товары, при этом избивая их самих. По поводу ареста, избиения и ограбления дипломатов из Объединенных Арабских Эмиратов посольство ОАЭ заявило протест МИД России. Аналогичные протесты были сделаны посольствами Грузии, Армении и Азербайджана.

Посмотрев на то, как омовцы грабят и бьют людей с «недостаточно арийской» внешностью и послушав соответствующую патриотическую риторику московских властей, подростки быстро нашли себе пример для подражания и виноватого [1].

Периодически возникающие и сейчас межэтнические конфликты и военные столкновения на Кавказе обеспечивают национал-радикальные группировки весьма перспективным резервом в лице воевавших в «горячих точках» молодых людей, привыкших к насилию и дисциплине. Низкий уровень идеологической работы в государственных силовых структурах делает мотивацию служащего солдата сугубо личной: месть за погибших

товарищей, ненависть к собственному государству, пославшему их на смерть, смешивается с ненавистью к конкретной этнической группе и т.д. Таким образом, в дальнейшем националистическая пропаганда попадает на уже подготовленную почву, в сознании прошедшего войну молодого человека совершается переход от пассивной враждебности к необходимости изменения существующего порядка вещей насильственным путем. Молодому ветерану войн представляется необходимым радикально изменить общественные отношения, сделав их более справедливыми с его точки зрения [7].

Конечно, нельзя не признать, что условия для возникновения и популяризации оппозиционных настроений именно с националистическим оттенком в стране объективно присутствуют. На сегодняшний день в России только по официальным данным более 12 млн мигрантов. В этом мы уступаем только США, где их 38,4 млн человек.

В России в настоящий момент наблюдается процесс, аналогичный тому, который имел место в середине 70-х гг. в западных странах. Поскольку агрессия уже была заложена в молодежь, оставалось только дать ей цель, направление для выхода. Формирование образа врага (как уже показано выше, не без подсказки СМИ) и его устранение стало доминирующей составляющей функционирования неформальных объединений молодежи. А обстановка для придания агрессивным молодежным группировкам политико-идеологического ультраправого характера сложилась самая благоприятная. В условиях реализации жестких и, главное, абсолютно непоследовательных и непродуманных социальных реформ, непрекращающихся столкновений на Кавказе, усиления террористической активности на территории России выбор инородца в качестве врага идеален.

Скинхеды в России в весьма малой степени являются продуктом национальных изменений, но в гораздо большей степени изменений социальных. Это особенно хорошо видно из того факта, что скин-банды возникли именно в крупных и наиболее развитых городах – там, где сосредоточено основное богатство и где особенно наглядно просматривается возникшее за последнее время в России социальное расслоение.

Но все же существует принципиальное отличие скинхедов от леворадикальной молодежи. Если среди последних преобладают дети «новых бедных», то скин-движение сегодня формируется из детей новообразованного среднего класса: мелких торговцев, бизнесменов, государственных чиновников. Скинхеды не являются ни сторонниками лозунга «отобрать и поделить» в том смысле, в котором его трактуют молодые коммунисты и анархисты, ни противниками частной собственности, капитализма социального и имущественного неравенства. Они просто хотят быть на вершине социальной пирамиды, стать богатыми и преуспевающими. Но уверены, что препятствие к этому – «инородцы», которые воспринимаются в данном случае как конкуренты [8].

Если власть и в дальнейшем будет проводить невыразительную, без учета перспективы миграционную политику, то через несколько лет, по оценке специалистов, партии с националистическим уклоном будут способны охватить до 15 млн сочувствующих [9].

Итак, для четкого оформления скин-движения необходимы, как минимум, два основных, выступающих в совокупности фактора: порожденный «закупоренностью» стратификационных ячеек и значительным расслоением общества социальный конфликт – как фактор, влияющий на рост оппозиционных экстремистских настроений именно среди молодежи, и чрезмерное количество иноэтничных мигрантов, т. е. наличие ярко выраженных «чужаков», а также засилье иностранной культуры в СМИ и обществе. Последнее выступает в качестве причины роста национал-патриотических настроений. Без наличия хотя бы одного из этих оснований развитие достаточно сильного движения скинхедов невозможно.

Библиографические ссылки

1. *Тарасов А.* Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Режим доступа: <http://ultrassfans.narod.ru/Skin.htm>.
2. *Два десятка тинейджеров протестовали в Пскове против нелегальных мигрантов* // Псковское информационное агентство. Режим доступа: <http://informpskov.ru/society/12712.html>.
3. *Костиков В.* Тени русской беды // Аргументы и факты. 2008. № 25.
4. *Кожевникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2005 г. / Под ред. А. Верховского; Информационно-аналитический центр «Сова». Режим доступа: <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/6CEEC08>.
5. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. А. Ю. Согомонов. М., 1992.
6. *Волков Ю. Г.* Социология молодежи. Ростов-н/Д., 2001.
7. *Круглов А. Е.* Молодежный радикализм – причины и факторы // Педагогический вестник. 2002. № 1.
8. *Тарасов А.* Бритоголовые в сумерках: интервью с А. Тарасовым записал В. Бурт. Режим доступа: http://antirasizm.ru/digest_05.php.
9. *Костиков В.* Мигранты: быть или не быть? // Аргументы и факты. 2006. № 15.